

ЮЛИЯ ЛАТЫПОВА



ВЕНОК
НА
ЧЁРНОЙ ВОДЕ

Юлия Латыпова

Венок на чёрной воде

<https://litres.ru/74121694>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её венок утонул первым.

На Купалу девушки пускают венки по воде, чтобы узнать, кто первой выйдет замуж. Но раз в поколение утонувший венок означает другое: древнее болото выбрало себе невесту.

Теперь у Василисы есть всего семь дней до новолуния. Семь дней, чтобы разгадать проклятие и понять, кто она — жертва, ведьма или нечто иное.

Деревня шепчется за её спиной, отец хранит пугающее молчание, а по ночам из чёрной воды доносится колыбельная. Та самая, что когда-то пела её пропавшая мать.

Успеет ли она сбежать, или лесная нечисть заберет то, что принадлежит ей по праву?

Вас ждет атмосферная славянская мистика, тёмное фэнтези, семейные тайны и история любви, которой не должно было случиться.

Мир «Венка на чёрной воде» продолжается за пределами книги.

В сообществе ВК «Легенды чёрного леса» публикуются иллюстрации, кинематографичные видео, музыка и материалы о создании романа.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Запах ряски	6
Глава 2. Мельница	15
Глава 3. В доме старосты	24
Глава 4. Венок на чёрной воде	30
Глава 5. Семь дней	36
Глава 6. Вкус мёртвой воды	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Венок на чёрной воде

Пролог

В землянке пахло сырой землёй и сушёной мятой.

Света не было — только узкая полоска лунного света пробивалась сквозь щель в двери. Женщина сидела на лежанке, прижимая к груди ребёнка. Девочка хныкала, не могла уснуть.

— Спи, моё солнышко, спи, моё горяшко, — запела мать тихо. — Вода у крыльца, вода без конца. Лодочка тёмная плывёт да плывёт — кто в лодку войдёт, тот домой не придёт.

Снаружи, где-то в темноте, плеснула вода. Женщина на мгновение замерла. Но продолжала петь — так же тихо, размеренно:

— Баю-бай, баю-бай, ты меня не забывай. Баю-бай, баю-бай, в воду, дочка, не ступай.

Девочка засопела. Пальцы разжались, выпустив край материнской рубахи. Женщина ещё долго сидела в темноте, раскачиваясь туда-сюда. За окном, в болоте, снова плеснула вода — тяжело, глухо. Она закрыла глаза.

Глава 1. Запах ряски

Вечер пришёл душный, неподвижный — из тех, что случаются в середине лета, когда воздух стоит над землёй, как вода в пруду, и каждое движение даётся с усилием.

Василиса шла босиком по скошенному лугу. Сухая стерня колола ступни, но она не замечала. Она вообще мало что замечала, когда собирала травы. Пальцы сами находили нужное: вот зверобой, ещё влажный от дневной жары, вот душица, а вот мята — её она узнавала по запаху раньше, чем видела. Корзина у локтя тяжелела.

Луг плавно опускался к болоту. Здесь трава становилась выше, жёстче — осока вперемешку с камышом. Деревня осталась за спиной, скрытая невысоким холмом, и теперь во круг были только поле, лес и болото. Чёрная полоса на горизонте, над которой даже в самый ясный день стояло марево.

Василиса остановилась у кромки. Дальше начиналась топь — настоящая, с ряской и ржавой водой. Она знала здесь каждую кочку, каждую тропу. Знала, где можно ступить, а где земля только притворяется твёрдой. Мать научила её читать болото, как другие читают книгу, — по цвету воды, по наклону осоки, по тому, как дрожит ряска на ветру.

Чуть поодаль, у старой ивы, торчал из воды покосившийся крест. Василиса не знала, кто его поставил и кому. Знала только, что там давно, ещё до её рождения, утонул человек. Пошёл за утками и не вернулся. Тело так и не нашли. Отец говорил — болото не отдаёт тех, кого забрало.

Она обошла иву стороной. Не из страха — из уважения.

Она помнила мамин голос — низкий, грудной, совсем как у неё самой теперь. Помнила руки: они пахли мятой и полынью. Помнила, как мать пела колыбельную — про лодочку, про воду без конца, про то, что в воду нельзя. Только лица почти не помнила. Так, размытое пятно. Белая рубаха. Руки в травах.

Она встряхнула головой, отгоняя воспоминания. Солнце уже цеплялось за верхушки елей, нужно было возвращаться.

И тогда она это увидела.

Белая кувшинка лежала на траве, в добрых десяти шагах от воды. Не сорванная. Не брошенная. Именно лежащая — стебель аккуратно вытянут, листья расправлены, будто цветок сам решил вырасти здесь, на сухой земле, вдали от родной стихии.

Василиса замерла. Она знала каждое растение на этом лугу. Знала, где цветут водяные лилии — на дальнем конце болота, у старой коряги. Чтобы добраться туда, нужно было пройти по трясине, и то не всякий решился бы. А этот цветок лежал здесь. У её ног.

Она медленно наклонилась и подняла кувшинку. Запах ударил в лицо — сладкий, почти приторный, с чем-то ещё, что она не смогла сразу узнать. Так пахнет в церкви, когда кадят ладаном. Сладко и тревожно.

И в этот момент лягушки замолчали.

На болоте лягушки не молчат никогда. Они орут хором, на разные голоса, и это такой же привычный звук, как скрип мельничного колеса или крик петуха на рассвете. Но сейчас стояла тишина. Полная. Глубокая. Как будто всё живое разом затаило дыхание.

А потом она услышала голос.

Не ушами — где-то внутри, в затылке, в кончиках пальцев. Тихий, протяжный шёпот. И слова — если это были слова — складывались из звуков, которых она никогда не слышала, но почему-то понимала.

Девка пришла. Болотная девка. Скоро к нам.

Василиса резко выпрямилась. Корзина качнулась, несколько стеблей зверобоя выпали в траву.

— Кто здесь? — спросила она громко.

Никто не ответил. Лягушки заорали снова, как по команде. Вечер наполнился привычным шумом: ветер в осоке, всплеск рыбы у дальнего берега, далёкий собачий лай из деревни.

Она стояла ещё минуту, сжимая в руке кувшинку. Лепестки уже начали темнеть от тепла её пальцев. Показалось. Конечно, показалось. Душный вечер, усталость, запах трав — от всего этого голова идёт кругом.

Она подобрала упавшие стебли и пошла обратно, к деревне. Шаг был быстрее обычного.

— --

У околицы её ждали.

Трое. Они стояли на дороге, перегородив путь. В сгущаю-

щихся сумерках она узнала их сразу. Радим — на полголовы выше остальных, широкоплечий, в синем кафтане, который он носил даже в жару, потому что больше ни у кого в деревне такого не было. Рядом — Лют, коренастый и рыжеватый, с бычьей шеей, и Ждан, длинный и вертлявый, как хлыст. Все трое были пьяны.

— А вот и наша болотная девка, — протянул Радим. — Где ходишь, Василиса? Уже темно. Не боишься?

Она молча попыталась обойти их. Радим шагнул в сторону, и она снова оказалась перед ним.

— Я спросил, — он понизил голос. — Где ходишь?

— Травы собирала. Дай пройти.

— Травы, — повторил он и хмыкнул. — Слышал, Лют? Травы она собирает. По всему болоту. А может, не только травы? Может, ты там с кем-то встречаешься, а? С болотным женихом?

Ждан заржал. Лют поддержал — глухо, неуверенно.

Радим протянул руку и взял прядь её волос, выбившуюся из косы. Движение было медленным, почти ленивым — но

пальцы сжались крепко.

— Отпусти, — сказала Василиса.

— А то что?

— Отпусти, — повторила она, глядя ему прямо в глаза.

Что-то в её голосе заставило его замешкаться. Не страх — она не боялась. Что-то другое. Холод. Спокойствие, которое пугало сильнее крика.

Радим разжал пальцы.

— Иди, — сказал он, отступая. — Но помни: я тебя предупреждал. Болото до добра не доведёт.

Она прошла мимо, не оборачиваясь. Спиной чувствовала три взгляда, и один из них — тяжёлый, липкий — не отпустил её до самого дома.

— --

Мельница стояла на отшибе, у реки. Старый сруб, почерневший от времени и сырости, с покосившимся крыльцом и вечно скрипящим колесом. Отец был дома — она увидела

свет в окне, и плечи немного отпустило. Не то чтобы она боялась оставаться одна. Просто хорошо, когда кто-то ждёт.

Он сидел за столом, чинил сеть. При её появлении поднял голову, кивнул — и снова уткнулся в работу. Василиса привыкла. Он всегда был таким: немногословным, замкнутым, будто каждое слово давалось ему с трудом. Она поставила корзину с травами на лавку, выложила кувшинку. Та уже совсем почернела — лепестки скрутились и потемнели, как бумага, тронутая огнём.

Отец покосился на цветок и ничего не сказал.

Ужинали молча. Хлеб, варёная репа, холодный взвар из мяты. Василиса ела без аппетита. В голове всё ещё звучал тот шёпот у болота, и холодок, пробежавший по спине, возвращался каждый раз, когда она вспоминала.

— На болоте был кто? — спросил вдруг отец.

Она вздрогнула.

— Нет. Я на лугу была.

Он кивнул и больше не спрашивал. Но когда она уже ложилась спать, он сказал — негромко, не поворачивая головы:

— Дверь я не запираю.

Это могло ничего не значить. А могло значить всё.

— --

Ночью ей приснился сон.

Она стояла на том самом лугу, только вокруг была ночь — густая, беззвёздная, безлунная. И тишина. Та самая, от которой звенит в ушах.

Из темноты вышел человек. Высокий, бледный, с чёрными глазами без белков. Вода стекала с него ручьями — с волос, с одежды, с кончиков пальцев. Он шёл медленно, и там, где ступали его босые ноги, трава покрывалась инеем.

Он остановился в шаге от неё. Протянул руку — мокрую, холодную. И сказал что-то, чего она не разобрала.

Она проснулась в поту. Сердце колотилось так, будто она бежала через всё болото без остановки. За окном ещё было темно — самый глухой час, перед рассветом, когда даже птухи молчат.

Цветок лежал там, где она его оставила. Только теперь он был совершенно чёрным. Все лепестки, все листья, даже стебель. Как будто обгорел изнутри.

Василиса встала, взяла цветок и выбросила в окно, в крапиву. Пальцы дрожали.

В деревне прокричал первый петух. Начинался новый день.

Глава 2. Мельница

Утро началось с привычного скрипа.

Мельничное колесо стонало и ухало, размалывая зерно, и этот звук был первым, что слышала Василиса каждое утро, сколько себя помнила. Он был как дыхание дома — монотонный, успокаивающий, неизменный. Сегодня к нему при­мешивался ещё один: глухой стук жерновов, работающих вхолостую. Значит, отец уже встал и запустил механизм.

Она накинула рубаху, умылась холодной водой из ведра и вышла во двор. Солнце только поднялось над лесом, и трава ещё блестела от росы. Туман над рекой не рассеялся — он лежал плотным слоём, скрывая воду, и казалось, что мельница плывёт в облаке.

Отец стоял у лотка, пересыпал зерно из мешка в жёлоб. Мука висела в воздухе вокруг него серым облаком, оседала на плечах, на волосах, на ресницах. Он работал молча, размеренно — как работал всегда.

— Доброе утро, — сказала Василиса, подходя.

Он кивнул, не оборачиваясь.

— Подсоби.

Она встала рядом, взяла второй мешок. Работа пошла быстрее. Они не разговаривали — да это и не требовалось. Мельница сама задавала ритм: колесо скрипело, жернова гудели, зерно шуршало по желобу.

Василиса наклонилась за очередным мешком, и прядь волос выбилась из косы, упала на лицо. Она поправила её, но через мгновение прядь снова соскользнула. Отец вдруг остановился. Протянул руку — осторожно, почти робко — и заправил выбившуюся прядь ей за ухо. Движение вышло неловким, но тёплым. Он ничего не сказал. Просто вернулся к работе.

Василиса замерла на секунду. Отец никогда не делал так раньше. Она не помнила, чтобы он вообще к ней прикасался — разве что в детстве, когда она падала и разбивала коленки. А тут — такая мелочь. Но от этой мелочи в груди разлилось тепло.

Они продолжили работу.

Она чувствовала: что-то не так. Не в мельнице — в отце. Он двигался медленнее обычного, чаще останавливался,

чтобы отдышаться. А когда наклонялся над лотком, она слышала свист в его лёгких — тонкий, надсадный.

— Ты пил взвар? — спросила она.

— Пил, — коротко ответил он.

— Не похоже.

Он не ответил. Она знала: бесполезно. Отец терпеть не мог говорить о своих хворях. Он вообще терпеть не мог говорить о себе.

Они проработали до полудня. Когда солнце встало в зенит, отец остановил колесо и пошёл в дом. Василиса осталась на мельнице — нужно было очистить лоток от мучной пыли.

Она как раз закончила, когда услышала шаги. Тяжёлые. Уверенные. Не отцовские.

Староста Гордей вошёл во двор, не спрашивая позволения. Он всегда так делал — как будто весь мир был его собственностью и он лишь обходил владения. За его спиной маячили Лют и Ждан — но остались у ворот, не решившись войти.

— Трофим здесь? — спросил староста.

— Здесь, — Василиса вытерла руки о фартук. — Позвать?

— Сам найду.

Он прошёл в дом, даже не взглянув на неё. Василиса стояла во дворе, глядя ему вслед. Что-то сжалось внутри. Холодное, липкое предчувствие.

Она подошла к дому и встала у приоткрытой двери. Голоса доносились глухо, но разобрать можно было почти всё.

— Радим на твою девку глаз положил, — говорил Гордей. Голос у него был тихий, вкрадчивый — без единой угрожающей ноты. От этого становилось только страшнее. — Свататься хочет. До Купалы бы, по-людски всё.

Тишина затянулась. Василиса слышала, как где-то на реке плеснула рыба, как скрипнула лавка под отцом — он переменил позу. Молчание длилось так долго, что Гордей кашлянул.

— Она сирота, — ответил наконец отец. — Приданого нет.

— Радим не за приданым гонится. Девка видная. Хозяйственная. Чего ещё надо?

Снова тишина. Василиса представила, как отец сжимает край стола — она видела этот жест сотни раз, когда он злился или волновался.

— Пусть приходит на Купалу, — сказал он наконец. — Там видно будет.

— Вот и ладно. На Купале и объявим.

Шаги. Василиса отпрянула от двери, отошла к мельничному колесу. Гордей вышел, посмотрел на неё — и впервые за весь разговор улыбнулся. Улыбка вышла сухая, без тепла, как трещина в коре.

— Здорова будь, Василиса. Скоро увидимся.

Он ушёл. Лют и Ждан потянулись за ним. Василиса стояла у колеса, сжимая в руке тряпку.

— --

К вечеру она отправилась к лесу. Путь лежал мимо мостков. Там, у воды, несколько женщин стирали бельё. Слышал-

ся смех, плеск, кто-то спорил из-за рыбы — чей улов больше. Обычная жизнь. Простая. Василиса прошла мимо, и смех стих. Она сделала вид, что не заметила. Но спиной чувствовала взгляды.

Дальше — туда, где на отшибе стояла покосившаяся изба с черепом козла на частокоче.

Знахарка сидела на крыльце, перебирала травы. Сухие, узловатые пальцы двигались быстро, привычно — отделяли листья от стеблей, стебли от корней. Она не подняла головы, когда Василиса вошла во двор. Только буркнула:

— За снадобьем?

— Да. Отец кашляет.

— Заходи.

В избе пахло горьким дымом, сушёной полынью и чем-то ещё — затхлым, подвальным. Пучки трав свисали с потолка, глиняные горшки теснились на полках. В углу, в клетке, спала здоровенная жаба — Василиса старалась на неё не смотреть.

Знахарка сняла с полки склянку, плеснула в неё тёмной

жидкости, закупорила.

— Пусть пьёт на ночь. Три глотка, не больше. И пусть не мёрзнет. Ему тепло нужно, а он всё на сквозняке.

— Спасибо.

Василиса взяла склянку и уже повернулась к двери, когда голос знахарки остановил её.

— Твоя мать тоже травы собирала.

Она замерла.

— Что?

— Говорю: мать твоя. Травница была, каких поискать. Всё болото исходила. Всю округу знала. И тоже ко мне заходила. Пока не ушла.

— Куда? — Василиса обернулась. Вопрос вырвался сам.

Знахарка подняла голову. Бельмо на правом глазу блеснуло в полумраке.

— На болото. Некоторые дороги заканчиваются там.

В избе стало тихо. Только жаба в клетке сонно вздохнула.

— Я туда не хожу специально, — сказала Василиса.

— Знаю. Оно само тебя находит. — Знахарка помолчала.

— Иди. Отцу снадобье отнеси. А про мать сама думай. Болото ждать умеет. Люди — не всегда.

Василиса вышла из избы, сжимая склянку так, что пальцы побелели. Ноги сами несли её к дому, но мысли остались там — на крыльце, со старухой, которая знала больше, чем говорила.

Пока шла обратно, решение наконец созрело. Нужно было спросить у отца. О матери. О том, что знахарка сказала. Хватит молчать. Хватит делать вид, что ничего не происходит.

Она вошла в дом и увидела его лицо — серое, постаревшее сразу на десять лет. Он сидел за столом, не зажигая свечи, и смотрел в одну точку.

— Отец, — начала она.

И тут снаружи раздался крик.

Низкий, утробный, похожий на бычий рёв. Он шёл со стороны болота, и от этого звука задрожало пламя свечи. Василиса замерла. Крик повторился — ещё ниже, ещё глубже. Выпь.

Отец поднял голову. Лицо у него было белое как мука.

— Началось, — сказал он тихо.

— Что началось?

Он не ответил. Только смотрел в темноту за окном, и в глазах его стоял страх — старый, застарелый, как больная кость.

Крик повторился в третий раз и затих.

Глава 3. В доме старосты

Смотрины назначили через день.

Василиса не хотела идти. Она сказала об этом отцу — прямо, глядя в глаза. Он выслушал молча, а потом ответил так же тихо:

— Надо.

— Почему?

— Потому что я прошу.

Это был не ответ. Но в голосе отца звучало что-то, чего она никогда не слышала раньше. Не приказ — мольба. И она пошла.

Дом старосты стоял в центре деревни — большой, с крыльцом и наличниками, выкрашенными когда-то в синий. Теперь краска облупилась, но всё равно дом выглядел богаче всех остальных. Внутри пахло воском, табаком и сушёными травами. Полы здесь были дощатые, а не земляные, как у них. На окнах — занавески. На столе — медный подсвечник.

Василису нарядили. Соседка, молчаливая вдова, принесла белую рубаху — чужую, с чужого плеча, чуть коротковатую в рукавах. Василиса стояла посреди горницы, чувствуя себя невестой на чужой свадьбе. Ткань пахла чужим домом — дымом и шерстью.

В горнице, кроме хозяев, сидели ещё несколько человек — какие-то старухи, дальняя родня Гордея. Они разглядывали Василису, как разглядывают товар на прилавке. Перешёптывались. Одна, самая старая, с лицом как печёное яблоко, поджала губы и покачала головой — то ли осуждала, то ли завидовала. Василиса не поняла.

Гордей сидел во главе стола. Он говорил — и все слушали. Когда кто-то из старух попыталась вставить слово, он просто поднял руку — и старуха замолчала на полуслове. Он не повышал голоса. Он вообще никогда не повышал голоса. Но тишина вокруг него стояла такая, что слышно было, как муха бьётся о стекло.

— Девка видная, — произнёс он, ни к кому не обращаясь. — Хозяйственная. Травы знает. Мельнику помощница.

Ей казалось, что говорят не о ней, а о тёлке на ярмарке. Вот только тёлка может лягнуть, а она должна стоять и улыбаться.

Радим сидел напротив. Он смотрел не отрываясь, и от этого взгляда хотелось помыться. Он пытался быть вежливым — подливал ей взвар, пододвигал хлеб. Но пальцы у него дрожали, а глаза блестели слишком ярко. Василиса старалась не встречаться с ним взглядом.

Мать Радима, Милана, сидела в углу, в глубоком кресле. Она была бледна, измождена — болезнь съела её почти до костей. Но глаза оставались живыми. Они смотрели на Василису пристально, изучающе. И в этом взгляде было что-то ещё — тревога. Как будто Милана видела не просто дочь мельника, а кого-то, кого надеялась больше никогда не встретить.

— Подойди, — сказала она тихо.

Разговоры за столом стихли. Гордей покосился на жену, но ничего не сказал. Василиса подошла. Милана взяла её за руку — пальцы у неё были холодные и сухие, как осенние листья. Она долго вглядывалась в лицо девушки, и во взгляде её мелькнуло что-то странное. Узнавание. И страх.

— Ты похожа на неё, — сказала она. — На мать свою.

Василиса вздрогнула. По спине пробежал холодок.

— Вы знали мою мать?

Милана отпустила её руку. Отвернулась к окну. За окном сгущались сумерки, и в стекле отражалось пламя свечи.

— Давно. Очень давно. Иди.

Василиса вернулась на своё место. Сердце колотилось где-то в горле. Она чувствовала на себе взгляд Миланы — тяжёлый, полный непонятной тревоги. И взгляд Радима — тоже тяжёлый, но совсем другой.

Когда подали пироги, она уже не могла есть. Кусок застревал в горле. Она смотрела в тарелку и думала только о том, как бы поскорее уйти.

Когда застолье закончилось, она вышла во двор — подышать. Ночной воздух пах рекой и дымом. Где-то в деревне лаяла собака. Над болотом поднимался белый туман — медленно, тяжело, как дыхание огромного зверя.

Сзади скрипнула дверь. Она знала, кто это, ещё до того, как он перегородил ей дорогу. Радим встал слишком близко — так близко, что она чувствовала запах дёгтя от его сапог.

— Всё равно моей будешь, — сказал он. Тихо, почти упрямо, будто убеждал не её, а себя. — От меня не уйдёшь.

Она выдернула руку.

— Я ничего тебе не должна.

Он хотел сказать что-то ещё — она видела, как дрогнули его губы, как он подался вперёд. Но осёкся. Отвернулся первым.

— Пока нет, — сказал он глухо. — Но Купала всё решит.

Она пошла прочь. Спиной чувствовала его взгляд — тяжёлый, липкий. Такой же, как тогда, у околицы. Но сегодня в нём было что-то ещё. Что-то, чего она не поняла.

Дома отец ждал её. Он ничего не спросил. Только посмотрел на её лицо — и отвёл взгляд. Пальцы его сжали край стола, побелели. Василиса сделала вид, что не заметила.

— Потерпи, — сказал он тихо. — До Купалы. А там видно будет.

Василиса не ответила. Она смотрела в окно, на тёмную полосу болота на горизонте. Над водой поднимался белый

туман. Выпь кричала где-то далеко — низко, утробно. Старая ива на берегу скрипела под ветром, и одна из её веток — большая, сухая — качалась, готовая обломиться.

Василиса смотрела на это и думала: Купала — через два дня.

Глава 4. Венок на чёрной воде

Весь день деревня готовилась к ночи.

С самого утра девушки собирали цветы на лугу — ромашки, васильки, колокольчики, дикую малину. Плели венки, переговариваясь вполголоса, смеясь, толкая друг друга плечами. Парни таскали хворост для костров — натаскали столько, что хватило бы на три обычные Купалы. Старухи замешивали тесто для обрядовых пирогов, варили брагу, доставали из сундуков лучшие рубахи. Даже дети, казалось, понимали: сегодня — особенная ночь.

Василиса наблюдала за всем этим со стороны. Она стояла у мельницы, перебирала травы для просушки, но пальцы двигались машинально. Мысли были далеко.

К полудню жара спала. От реки тянуло прохладой — густой, сырой, болотной. Вместе с ней пришло странное, тревожное ожидание.

— --

К вечеру деревня преобразилась.

Вдоль берега, на излучине реки, где стояли старые мостки для стирки, зажгли костры. Не один и не два — десяток, не меньше. Они горели на обоих берегах, отражались в чёрной воде, множились, растягивая реку в огненную дорогу, уходящую в самое сердце болота.

Плакучие ивы у воды были увешаны лентами и тряпицами

— подношениями болоту. Старая, ещё прадедовская традиция: хочешь задобрить воду — оставь что-то на иве. Ленты выцвели от солнца и дождей, некоторые превратились в лохмотья, но никто их не снимал.

Пахло дымом, речной свежестью, мятой и полынью — очищающими травами.

Где-то за деревней, на лугу, парни уже водили хороводы — нестройные, шумные, с уханьем и свистом. Девушки у реки отвечали им протяжной старинной песней.

Парни начали прыгать через огонь.

Радим прыгнул первым. Разбежался легко, мощно, взлетел над пламенем — высоко, искры взметнулись следом. Приземлился мягко, раскинул руки.

— Кто выше? — крикнул он, оглядываясь на девушек.

Зоряна заплодировала громче всех.

Лют прыгнул следом — ниже, тяжелее. Ждан замешкался, разбежался криво и задел пяткой край кострища. Искры брызнули в стороны.

— Гореть тебе, Ждан! — крикнул Радим. — От любви тебе гореть!

— Не дождётесь! — отмахнулся тот.

Василиса смотрела издалека. Она никогда не прыгала через костры. Но сегодня, глядя на пламя, вдруг подумала: а каково это — разбежаться и взлететь?

— --

Девушки собрались на мостках. Двенадцать незамужних

— от шестнадцати до двадцати. Все в белых рубахах, с распущенными волосами. У каждой в руках — веночек. Зоряна — в центре. Её веночек самый пышный: ромашки, зверобой, дикая малина. Она смеялась громче всех, косилась на парней.

Василиса пришла последней. Она не собиралась. Просто ноги сами принесли её к реке. И руки сами сплели веночек — не из луговых цветов, а из того, что росло у болота: осока, белые кувшинки, длинные стебли ряски. Эти травы ложились в ладонь, как родные.

Знахарка появилась, когда солнце уже село. Она вышла из темноты — сухая, сгорбленная, с дымящимся пучком трав в руке. Полынь. Чертополох. Дым стелился за ней, как живой.

Девушки притихли.

Знахарка обходила каждую, окуривая дымом. Бормотала под нос. Когда она подошла к Василисе, задержала руку чуть дольше. Дым осел на волосах, на венке.

— Готова? — спросила она.

— К чему?

Ответа не последовало. Только движение руки.

— Начинайте.

— --

Первой к воде пошла Зоряна.

Она ступила на мостки легко, уверенно. Опустилась на колени, коснулась венком губ и что-то прошептала — потом опустила его на воду.

Веночек поплыл ровно, красиво. Зоряна ахнула, захлопала

в ладоши:

— Далеко уплывёт! Первой замуж выйду!

Остальные девушки по очереди подошли к воде. Венки плыли, кружились, цеплялись за осоку. Один сразу утонул. Его хозяйка ойкнула, но знахарка покачала головой:

— Не тот. Просто вода быстрая.

Василиса осталась последней.

— Твоя очередь, — сказала знахарка.

Она шагнула на мостки. Доски были тёплыми от дня и скользкими от брызг. Под ними лежала чёрная вода — маслянистая, тяжёлая. В ней отражались костры, и казалось, что под ногами — пропасть, полная огня.

Она опустилась на колени. Протянула руки над водой. Венок лёг на ладони — лёгкий, почти невесомый.

И тогда она почувствовала: вода ждала. Не враждебная — зовущая. Как будто она опускала венки не в реку, а в чьи-то ладони.

Она разжала пальцы.

Венок ушёл под воду сразу. Камнем. Без всплеска. Как будто вода уже ждала его.

На поверхности осталась одна белая кувшинка. Она лежала лицом вверх, неподвижно.

Тишина.

Радим дёрнулся вперёд — на полшага. Гордей положил руку ему на плечо. Тяжёлую, властную. Радим замер.

Шёпот пошёл по кругу. Девушки начали отступать от

мостков, от Василисы, как от прокажённой.

Знахарка сделала шаг вперёд.

— Вода взяла венок, — сказала она.

— Вода возьмёт и невесту. Через семь дней, в новолуние.

Таков старый срок.

Василиса встала с колен. Прошла по мосткам. Никто не подал ей руки.

— --

Дорога домой была долгой, хотя идти — всего ничего. Василиса шла босиком. Трава была мокрой от росы. Пахло дымом и полынью.

У кромки леса она остановилась. Там, где деревья расступались, стояла фигура — высокая, тёмная. Не человек и не зверь, а тень дерева, принявшая форму плеч и головы.

Василиса моргнула — фигура исчезла.

У самого дома её нагнала Зоряна. Запыхавшаяся, покрасневшаяся.

— Ну что? Довольна? Теперь ты невеста болота. Через семь дней — конец.

Василиса высвободила руку.

— А я и не прошу.

— Что?

— Спасать. Я не прошу.

Зоряна хотела сказать ещё что-то, но слова застряли.

— Ты ненормальная, — выдохнула она.

— Возможно.

И пошла к дому.

Отец не спал. Сидел за столом при свече. Когда Василиса вошла, он поднял голову и всё понял.

— Венок? — тихо.

— Да.

— Утонул?

— Да.

Он закрыл лицо ладонями. Потом встал и обнял её — неловко, словно не умел.

— Прости. Я не уберёг.

Она не ответила. Стояла, прижимаясь щекой к его плечу.

За окном плеснула вода — тяжело, глухо.

Отец вздрогнул. Он знал, что это значит.

Лучше, чем кто-либо.

Глава 5. Семь дней

Утро после Купалы выдалось серым и тихим. Даже мельничное колесо скрипело глуше обычного.

Василиса сидела за столом. Отец стоял у окна, спиной к ней. Он молчал уже несколько минут — с тех пор как сказал: «Я должен тебе всё рассказать».

— Рассказывай, — сказала она.

Он повернулся. Лицо серое, как мельничная пыль.

— Ты не сирота. Я не нашёл тебя в лесу. Ты моя дочь.

Родная.

Василиса смотрела на него, будто не сразу поняла смысл слов.

— Мама... она не утонула случайно?

— Нет. Не случайно. Она ушла в болото, чтобы закрыть долг. Но его не закрыть одной жизнью. Теперь они требуют тебя. Через семь дней, в новолуние.

— Какой долг? Перед кем?

— Перед болотом. Очень старый. — Он опустил на лавку. — Я не могу рассказать всё. Сил нет. Но ты должна знать: через семь дней тебя отвезут к воде. В лодке. Как невесту. Потому что венок утонул.

Василиса молчала. Внутри медленно складывалось то, что раньше не имело формы. Она помнила мать. Её руки. Колыбельную. Тот день у болота, когда она, пятилетняя, почти

ушла под воду — и мать вытащила её, дрожа и плача. А потом исчезла. Отец сказал: «Утонула. Несчастный случай».

Она поверила.

— Ты лгал мне всю жизнь.

— Да.

— Почему?

— Боялся. Не за себя — за тебя. Если бы кто-то узнал, чья ты дочь, тебя бы... не пощадили ещё тогда. Ребёнком.

— Чья я дочь?

— Твоя мать должна была стать невестой болота. Восемнадцать лет назад. Я помог ей сбежать.

Слова кончились. Он сидел, глядя в одну точку, и по его щекам текли слёзы. Василиса встала. Подошла и положила руку ему на плечо.

— Я не виню тебя.

И вышла.

— -

Она шла по деревне и не видела лиц. В голове повторялось одно: мать должна была стать невестой болота, отец спас её, теперь — я.

У дома старосты стоял Радим. Увидел её — дёрнулся, шагнул навстречу.

— Через семь дней... я не дам! Я поговорю с отцом!

Она прошла мимо. Он схватил её за плечо, развернул к себе:

— Они могут отменить! Они просто...

Она выдернула руку. Он бросился в дом.

Сквозь дверь Василиса услышала:

— Ты можешь отменить! Выбери другую!

Голос Гордея — ровный, тяжёлый:

— Ты хочешь обмануть болото? Чтобы снова пал скот?

Чтобы умерли дети? Из-за девки?

— Я люблю её!

— Ты — дурак. Она принадлежит болоту. Уймись.

Глухой удар. Радим вылетел на крыльцо, прижимая ладонь к скуле. Посмотрел на Василису. В его взгляде было отчаяние — и больше ничего. Он не сказал ни слова. Ушёл.

Василиса смотрела ему вслед и почувствовала почти жалость. Почти.

— --

Домой она не вернулась.

Ноги сами вынесли её за деревню — через луг, через поле, к просёлочной дороге, ведущей в соседнее село. Она никогда там не была. Говорили: три дня пути через лес.

Она шла, не оглядываясь. И с каждым шагом внутри поднималось странное чувство — не свободы. Скорее злости. На отца. На деревню. На болото. И на себя.

Дорога была пустой. Пыль лежала ровным слоем, нетронутой следами. Она остановилась.

Куда идти? В соседнее село? Чужая. Без имени. Без защиты. Без права на эту жизнь. И всё равно — болото найдёт её. Эта мысль была спокойной. Почти окончательной.

Она подняла камень с земли и бросила в придорожную канаву. Камень глухо ушёл в мутную воду. Круги разошлись и исчезли.

Она развернулась и пошла обратно. Не потому что смирилась. Потому что идти было некуда.

— --

К вечеру она решилась. Отец сидел у стены.

— Ты куда? — спросил он, не поднимая головы.

— К болоту.

Он медленно посмотрел на неё.

— Зачем?

— Хочу увидеть. Сама.

Долгая пауза.

— Дверь я не запираю.

Она вышла в ночь. На столе остались кружка отвара и краюха хлеба — как всегда. Отец ставил их каждый вечер с тех пор, как она начала ходить к болоту. Он никогда ничего не говорил. Но она знала: это его способ сказать «я люблю тебя».

Глава 6. Вкус мёртвой воды

Тропа к болоту была знакома до каждого поворота. Днём Василиса ходила здесь сотни раз — за травами, за мхом, просто так. Но ночью всё становилось другим. Деревья стояли ближе, темнее. Ветки цеплялись за рубаху, будто не хотели отпускать.

Она вышла к кромке.

Вода была неподвижна. Слишком неподвижна. Даже ветер не касался её поверхности.

И вдруг — рябь. Медленная, тяжёлая волна пошла от центра трясины, как будто кто-то поднимался со дна.

Василиса не отступила.

Из воды показалась голова. Потом плечи. Человек выходил из трясины медленно, без всплесков, будто вода сама пропускала его. Высокий, бледный, с длинными мокрыми волосами, в которых запуталась ряска. Глаза — чёрные, без белков.

Она не закричала.

Он остановился по пояс в воде. Смотрел на неё. Она — на него.

— Ты утопленник? — спросила она ровно.

— Я тот, кто сторожит ваши грехи.

— Чьи — ваши?

— Деревни.

Она помолчала.

— Ты меня заберёшь?

— Нет.

— Почему?

Он чуть склонил голову.

— Ты не боишься. Живые всегда боятся. А ты — нет. Почему?

— Живые страшнее.

В чёрных глазах дрогнуло что-то — не улыбка, скорее тень интереса.

— Ты странная.

— Ты тоже.

Тишина повисла между ними — не тяжёлая, а внимательная.

Василиса разглядывала его: мокрые пряди, синеватые губы, водоросли на плечах. От него тянуло холодом — не воздухом, а глубиной.

— Ты давно здесь? — спросила она.

— Двадцать лет.

— И всё это время ты один?

— Не один. Здесь другие. Они спят.

— Кто?

— Те, кого отдали болоту. Их память остаётся здесь. Их голоса.

— Ты помнишь каждого?

— Каждого.

— Зачем?

— Такова моя работа. Я сторож.

Она замолчала. Вспомнила кувшинку, почерневшую за ночь. Голоса лягушек. Колыбельную матери.

— Ты сказал, они поют. Что?

— Колыбельную. Ту, что поют в вашей деревне.

Василиса замерла.

— Моя мать... она пела её мне. В детстве.

— Я знаю.

— Откуда?

— Я слышал. От той, что вошла в воду тринадцать лет назад. Она думала о дочери. О тебе. У неё был запах. Мята.

Василиса закрыла глаза.

Мать.

Он говорит о ней так, будто она всё ещё где-то рядом.

Она открыла глаза. Чёрная вода была неподвижна. Где-то там, на дне, лежала её мать. И, возможно, не молчала. Возможно — пела.

— Мой венок утонул на Купале. Через семь дней меня привезут сюда в лодке.

Вода вокруг Тихона дрогнула.

— Ты услышал?

— Ты встретишь меня?

Он долго молчал. Потом ответил тихо, почти без звука:

— Я не хочу тебя встречать.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы ты умирала.

Она смотрела на него.

Мёртвый сторож. Утопленник с чёрными глазами. Существо из воды, которое не должно было жалеть живых.

— Я приду завтра, — сказала она.

— Приходи.

— --

Дома было тихо. Отец спал.

Она легла и долго смотрела в тёмный потолок. Перед глазами стояли чёрные глаза без белков.

«Я не хочу, чтобы ты умирала».

И ещё — «У неё был запах. Мята».

Он помнил. Спустя тринадцать лет.

И это было страшнее смерти — и теплее её.

Она заснула под утро. И ей ничего не снилось.

— --

Утром она проснулась рано.

Подошла к окну — и замерла.

На подоконнике лежала кувшинка.

Белая, свежая, ещё влажная от росы.

Та самая, что она выбросила в крапиву несколько дней назад.

Теперь она была живая.

Как будто её подняли со дна и вернули обратно.

Она осторожно взяла её. Лепестки были прохладными. От них пахло тинной и чем-то сладким, почти человеческим.

Она улыбнулась.

Спрятала кувшинку за пазуху.

Отец не должен был видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.